

Артём Попов

Ботинок на мокром асфальте

Зелёный огонёк призывно светил на противоположной стороне дороги, чуть расплываясь в сплошном мареве мелкого дождя. В голове у Тани играла музыка, язычком по нёбу она отбивала ритм нового танца. В хореографической студии, куда торопилась девочка, на сегодня был назначен генеральный прогон. В воскресенье должен был состояться большой концерт, на него хотели вырваться родители, а это всегда дополнительное волнение. Даже если танец получался на «отлично», мама быстро, чтобы никто не заметил, смахивала слёзы.

Таня ступила на зебру, сделала несколько шагов... Короткий визг резины — и девочка, как тряпичная кукла, взлетела в воздух. Она хотела посмотреть в ту сторону, откуда пришёлся удар, но не успела — молочный, неестественно белый свет в глазах перекрыл всё, и музыка исчезла.

— Шестая, примите вызов! Проспект Ленина, напротив Детского центра культуры. ДТП, пострадавший — ребёнок, — частила по рации диспетчер скорой Людка.

— Принято! — коротко ответил фельдшер Дима.

Он возвращался из новых кварталов, и этот вызов достался его бригаде как ближайшей к месту аварии. На мониторе диспетчерской были видны все «Газельки» с красным крестом, пробирающиеся сквозь дождь и пробки. По этим причинам они ползли крайне медленно. Стоял ноябрьский вечер, снег ещё не выпал, шёл мелкий, как сквозь невидимое ситечко, дождь. Мокрый чёрный асфальт безнадежно съедал свет от уличных фонарей и фар машин.

— Включи «иллюминацию с музыкой», — предложил Дима Петровичу, водителю скорой.

Это значило на их жаргоне — сирену с завывающим сигналом. Так можно было быстрее проваться через пробки.

Дима не любил вызовы к детям, тем более такие. Ничего хорошего от ДТП ждать не следовало. У Димы с женой Наташей росла единственная дочка Лена, и она тоже ходила в этот дцк. После звонка диспетчера неприятный холодок пробежал вдоль спины, сдавило затылок. Нет, сегодня дочка должна быть дома, завтра у неё по расписанию секция альпинизма, куда она бегала уже второй

год. Нравилась ей высота, что ли, опасность, обеспечивала выброс адреналина. Сколько раз он отговаривал Лену от этого странного увлечения («Ты же не мальчишка!»), но все усилия оказывались напрасными.

Дима набрал на телефоне дочку. Первый длинный гудок в трубке, второй, третий, четвёртый. Дима занервничал, кажется, даже вспотел за эту пару секунд.

— Алё, па! — наконец раздалось в трубке.

— Где тебя носит? — закричал Дима.

— Да дома я, дома. Ты чего орёшь? — Лена тоже чуть повысила голос на отца.

— Ладно, прости. Уроки сделала? Приду — русский проверю. Пока, доча.

Дима уже пожалел, что накричал на Лену. Нервы ни к чёрту давно на этой работе.

Дима с девятого класса хотел стать врачом, хотя в роду никого из медиков не знал. Школу он заканчивал в конце девяностых. Родители Димы жили тогда в долг, как большинство семей страны. Отец вместо зарплаты на судоремонтном заводе получал хлеб и дешёвую колбасу, а коллеги матери, учителя, объявили голодовку и спали прямо в классах на партах. Вместо настоящего масла семья ела какой-то заграничный маргарин «Воймикс». Летом, вырастив на даче овощи, готовили винегрет, который был иногда вместо горячего. С тех голодных лет Дима винегрет не ел — так возненавидел. Чтобы поступить в мединститут, надо было ехать в областной центр за двести километров. На билет денег занять не у кого: все родственники-знакомые тоже перебивались как могли. На семейном совете решили, что вуз один годик подождёт. В городе, где жила семья Димы, к счастью, оставалось мединститут, и он с лёгкостью поступил на фельдшера. Ему крупно повезло: практические занятия вёл старый врач со скорой помощи, подрабатывающий к пенсии. После окончания «медика» Дима отслужил срочную, устроился на неотложку, да так там и завис. О мединституте как мечте юности он больше не вспоминал.

Дима был слишком правильным. «Занудный», как иногда ругала жена. Через год исполнится сорок, пора думать и о более спокойной работе. Но он был из тех, кто боялся что-то изменить

в привычной, устоявшейся жизни. Да и скорая, если говорить откровенно, ему нравилась: каждый тяжёлый вызов — будто укол адреналина ему самому («Вот в кого папина дочка!»). Но от этих «уколов» он так выматывался за смену, что иногда дома засыпал без ужина при включённом телевизоре. «Ну что делать в поликлинике? Одно сплошное ОРВИ», — успокаивал себя. За работу на колёсах платили не так и много: фельдшер получал чуть больше тридцатки. Обидно — даже водитель на две штуки больше. Иногда он подумывал: не перейти ли рулевым? Меньше ответственности.

Последний год Диму ставили первым номером бригады. Это значило, что он принимал решение. Помощником ему определили худенькую и прозрачную, как бабочка, вчерашнюю выпускницу медучилища Галю. У неё было несовременное имя, и сама она странная: отличница зачем-то выбрала скорую. Слабые вены у стариков Галя находила не сразу — опыта маловато, и Дима иногда сам делал внутривенные.

Через десять минут, не больше, были на месте ДТП; гибдэдэшники приехали ещё раньше: их мигалки водители боятся, в отличие от скорой. Чуть ли не сам начальник ГИБДД нервно ходил около вишнёвого «Форда» — виновника аварии. Машина стояла прямо на зебре, лобовое стекло — в мелкую сеточку. Раскинув руки, девочка лет десяти в неестественной позе лежала в нескольких метрах от подполковника на асфальте. На ней была розовая курточка, за плечами рюкзачок с игрушкой-медвежонком. Кажется, такую игрушку он видел и у дочери — какой-то персонаж из модного мультика. Рядом на мокром асфальте валялся один ботинок. «Плохо, очень плохо», — подумал про себя Дима. Если обувь слетала с пострадавшего, это означало сильный удар, обычно заканчивающийся летальным исходом.

Дима посветил фонариком. Чёрт, какая темнота! Всё в крови. Выматерился. Если пострадавшая скончалась в машине скорой, он испортит статистику подстанции, не видать и премии. Но он принял решение — смотреть девочку в машине, а не в темноте под дождём. К тому же не хотелось что-то делать под взглядами толпы, уже сгрудившейся на тротуаре.

— Галя, Петрович, носилки. Быстро! — командовал Дима.

— Что у вас? Живая? — подошёл подполковник. Точно, начальник городского гибдд.

— Открытая черепно-мозговая травма. Не мешайте! — Дима не посмотрел на звания.

В машине худшие опасения подтвердились. Девочка была без сознания. Пульс Дима не нащупал, кости черепа, похоже, сломаны и смещены... Никогда не привыкнуть к таким случаям. «Ребёнок, совсем ребёнок, может, ровесница

дочки», — крутилось в голове. Разрезал курточку, кофточку, обнажив детскую грудь.

Машинально начал делать сердечно-лёгочную реанимацию. Местные телевизионщики (кто-то им «стучит» о каждом серьёзном ДТП) подъехали к машине скорой и нагло снимали через стекло дверки. Голова Димы то поднималась, то опускалась. Так продолжалось минут десять.

— Дмитрий Николаевич... Дмитрий Николаевич... — сестричка Галя уже тянула его за рукав, хотя обычно она не позволяла себе такое. Видела, в каком состоянии находился старший. — Тут ничего нельзя сделать...

Дима всё смотрел на красивое лицо не успевшей даже испугаться девочки. Пухлые губки, которые никого, кроме родителей, не целовали. Длинные мягкие волосы до плеч... Одежда была испачкана дорожной грязью. Неужели всё?

Со станции по радиации звонил диспетчер, Дима ей не сразу ответил. Открыл дверь «Газели». К нему снова подошёл полицейский начальник, камера телевизионщиков слепила глаза. Дима отвёл гибдэдэшника в сторону.

— Нет. Не помогли, — он не знал, как ответить на его вопросительный взгляд.

— Да я уж вижу всё — на асфальте полголовы. Говорят, скорость была сумасшедшая. Вон сидит у нас лихач по фамилии Лихачёв, — кивком показал на машину ДПС подполковник.

На переднем месте сидел мужик лет пятидесяти, седые волосы, правильные черты лица. Смотрит прямо на дорогу. Увидев Диму, он на секунду повернул к нему голову, их взгляды встретились. Ударить бы ему сейчас со всей силы в сердце или под дых, как учили Диму «деды» в армии. Чтобы сразу вырубился.

— Пьяный, урод? — спросил Дима у полицейского.

— Нет, не похоже. Ну, мы на экспертизу повезём, проверим. Прохожие вызвали скорую, не он. Подонок, — сплюнул подполковник.

На следующий день на месте аварии возник стихийный мемориал: куча мягких игрушек, живые цветы, лампадки свечей. Социальные сети сделали своё дело. В городском паблике тысячи людей требовали самосуда: «Убить тварь, размазать по асфальту, как он школьницу». Кто-то даже вычислил адрес водителя и написал его на странице соцсети. Админы удалили это сообщение не сразу. Депутаты на специально созданном заседании потребовали снять одного из начальников мэрии. Если бы установили лежачий полицейский перед пешеходником, водитель бы притормозил, чтобы сбереечь подвеску машины — не чью-то жизнь. Пока шло следствие, виновника аварии отпустили под домашний арест.

Таня была вымоленным ребёнком: только ЭКО подарило родительское счастье. Мать работала

в детской больнице экономистом, отец — в налоговой инспекции. Порядочная семья, средний класс. Мать поседела за несколько дней; как только транквилизаторы прекращали действие, коллеги, которые ночевали в эти дни у них дома, кололи новую дозу. Отец Тани пил бутылку за бутылкой коньяка, привезённого из их летнего отпуска, когда они ещё были втроём, но не пьянел. Мать винила себя, что не надела на Таню шапочку в тот вечер: она думала, что головной убор смягчит удар.

Дима вышел после ночной смены, на крыльце подстанции его ждала женщина. Он сразу понял, что это мать той девочки: чёрная, как прошедшая ночь, с бледными губами.

— Ваши коллеги сказали, что вы тогда приехали на вызов к Детскому центру. Она сразу, да?.. Не мучилась? — запинаясь, говорила женщина. Было видно, как она тяжело подбирала слова. — Танюша не надела в тот вечер шапочку... Как вы думаете, вязаная шапочка спасла бы дочку?

Женщина теребила в руках розовую вязаную шапочку — в тон курточки девочки.

— Давайте отойдём, — Дима взял её за локоть.

Они повернули за серое здание подстанции, из окон которой уже выглядывали любопытные лица. — Да, когда мы подъехали, она была уже... Вы знаете, удар очень сильный, шапочка бы не спасла, поверьте. Не упрекайте себя, — он старался говорить как можно спокойнее, но сердце бешено билось.

— Правда?

— Абсолютно точно.

— Спасибо вам, — она уже не сдерживала слёз.

Быстро пошла, не обращая внимания на лужи, занесённые листьями. Дима хотел окликнуть её, догнать, приобнять, но стоял как вкопанный. Не найти слов... «Блин, она же ещё молодая, а спорбилась, как старушка», — подумал только.

Встреча стёрлась из памяти, когда с началом зимы пришла страшная пандемия, вызов за вызовом не давали вздохнуть. Напарница Галя уже неделю сидела на больничном с температурой тридцать девять. Коронавирус выбил коллектив подстанции чуть не на половину, бригады состояли из одного врача или фельдшера.

В этот вечер диспетчер Людка давала Диме для роздыха не температурные вызовы, а «боли в сердце» и прочую солянку в виде отравлений или ножевых.

Вот очередной «сердечный». Обычная девятиэтажка с привычным сладко-тошнотным запахом канализации в подъезде. В стотысячном городе за двадцать лет работы на скорой Дима побывал

почти в каждом доме, но в этом, кажется, ни разу не приходилось.

Дверь в квартиру на первом этаже открыла невысокая женщина в простеньком цветастом халате:

— Проходите, проходите! Мужу очень плохо.

Обстановка в комнате небогатая, на стене висел ковёр ещё советских времён, точь-в-точь как у родителей Димы, а в углу несколько старых, выцветших от времени икон. Крепко пахло валерьянкой и корвалолом. На диване лежал полноватый мужчина, лицо в цвет белой простыни, рука на сердце. Тяжело дышал ртом, по-рыбьи хватая воздух, грудь неравномерно вздымалась. Как только Дима подошёл, мужчина шумно выдохнул. Видно, он держался до приезда скорой, а увидев белый халат, тут же обмяк.

— Фамилия, имя, отчество, говорим, не молчим, — Дима быстро оценил ситуацию.

Нельзя было допустить, чтобы мужчина потерял сознание. Тогда вытащить его будет сложнее. Пульс бился тонкой ниточкой.

— Лихачёв... — прошелестел сухими губами и замер.

— Дата рождения? — строго командовал Дима.

И тут он признал в этом полноватом мужчине того самого водителя, который в осеннюю ночь отрешённо сидел в полицейской машине. Лихачёв... Жизнь этого человека зависела сейчас только от него. Что в эти секунды он подумал? Ещё пару месяцев назад он был готов растерзать этого мужчину, а сейчас ненависть сменилась на сердоболие и жалость? Или фельдшер просто решил исполнить свой долг медика?

— Чёрт, что вы раньше не вызвали? — Дима заругался на женщину.

— Он не давал звонить в скорую, хотел умереть! Всё после той несчастной аварии. Он не видел девочку и светофора! Не видел, верите? — почти закричала женщина. У неё были большие печальные глаза, и этим взглядом она показала в ту секунду похожей на лик Богородицы с самой большой иконы в углу комнаты. — Спасите его, ради Бога! Я вас умоляю!

Она закрыла лицо руками и затряслась, вздрагивая лопатками.

Дима делал всё так, как его учил в медучилище старый врач. Разряд дефибриллятора, ещё разряд. Он вдыхал свой воздух в мужчину, словно отдавая частичку себя. Энергичные нажатия на грудную клетку. Пот стекал по пояснице, футболка стала мокрой от напряжения.

Через несколько минут машина скорой уже летела по улице в черноту ночи. Сплошная пелена снега, валившего весь вечер, тут же заметала автомобильный след, как будто и не было ничего.